Тони Корсо

Тень Трех Столетий

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

18+

Тони Корсо

Тень трёх столетий. Часть вторая

https://litres.ru/74697487
SelfPub; 2026

Аннотация

Три сотни лет ожидания подошли к концу. Магия больна, ткань бытия трещит по швам, однако, живое Сердце мира бьётся вновь, а значит надежда жива. Рин и союзники должны найти второй якорь, чтобы развеять тень, что три века довлеет над миром, — пока не стало слишком поздно.

Содержание

Глава первая. К новому берегу 4
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Тони Корсо
Тень трёх столетий.
Часть вторая

Глава первая. К новому берегу

...и хотя с Века Пламени прошло
три столетия, человечество,
пережившее ярость вулканов,
крушение империй и угасание Сердец
мира, едва ли пребывает в*
благоденствии. Могучий Союз
Тойха́н шагает по обоим
континентам, и на обоих гремят
тойханские пушки и ружья и лязгает
сталь. Великий поход, как его
называют завоеватели, призван
собрать воедино всё, чем владела
Гис, и создать империю, могуществу
которой не было и не будет равных.
Потому и нет единения меж людьми,
а старые ордена, что могли бы
стать мостом меж народами, давно
служат владыкам земель и храмов.
Нет покоя и магии мира — она с
каждым годом всё крепче вонзает
зубы в разумы магов, и несть тому

конца и не видно тому края...
** Магистр, однако, утверждает, что живое Сердце мира забилось вновь. — прим. первого читателя.*
*** Источник? — прим. второго читателя.*
** Сейчас сплаваю на Риф,отыщу там мага искажений, научусь видеть правду-истину и тогда сообщу тебе, какие у Магистра источники!*

— переписка на полях (велась в записях, между учениками Магистра Лéйны Сатóр)

Когда ваша покорная слуга была ребёнком, она захотела изучить возгораемость разного рода материи. Проверить степень подверженности субстанций огню почему-то было решено не на камнях у реки или хотя бы на почтительном удалении от родного дома, а прямо в вертикальном саду. От пожара поместье уберегло чудо и бдительная прислуга. Родители и воспитатели вели себя на удивление спокойно. Няньки лишь тихо вздыхали, молчал отец и матушка тоже — покуда не нашла верные слова: «Разум, который в тебя вдохнула Мать, дóлжно применять с пользой. Учение не стоит ничего, если не служит всеобщему благу». Что же… Ценность этой максимы невозможно переоценить.

— Магистр Лейна Сатор. Размышления о разуме

Чужое воспоминание пришло, как обычно пропитав со-

бой явь и растворив её в себе. Рин вдруг сорвалась вниз, даже не вскрикнув, будто земля ушла у неё из-под ног. Чернота сомкнулась над головой, как водная пучина над утопающим.

Рин беспомощно озиралась, ломая глаза о мрак, но ничего не видела, а только падала и падала, покуда первый страх не сменила усталость, а потом ей на смену не пришло отстранённое, покалывающее любопытство. Каждый лёгкий укол — новый вопрос: «Куда я падаю? Сколько ещё? Есть ли вообще у этой пропасти дно?»

Вскоре темнота начала расслаиваться. Мир светлел, обретал контуры — пока Рин не увидела ступени, спиралью обвивающие колодец, в который она провалилась.

Наконец подошвы сапог коснулись дна пропасти. Тени слиплись в силуэт, и тот стрелой подлетел к Рин и… прильнул к ней.

«Беги, — отчаянно и разбито прошептал он… нет, она — это была женщина. — Я останусь здесь».

Рин с жаром оттолкнули так, что она спиной ударилась о тёмную стену. Силы вспыхнули в теле, словно оно было кремнём, способным ударом о камень высечь искру.

«Нет, — из горла вышел чужой голос, — уйдём вместе…»

Ответ был приглушённый и неразборчивый: «Никогда не преодолеет… не владеет… не понимает… не сможет посмотреть…» Речь ускользала, как вода из сжатого кулака.

«Там, где сердце», — раздалось вокруг, эхом разбежавшись от стен и сводов. Внутри всё сжалось от тоски. От этих

слов, от того, как они были произнесены, хотелось завыть, роняя горючие слёзы.

Почему же?

«Там, где сердце», — отозвалась Рин.

— Что?

Волна ударила борт снаружи, бриг закряхтел, как брюзгливая старуха, и в ноздри настырно полезли запахи старой кожи, масла для ламп и, конечно, соли, въевшийся в одежду, волосы и доски. Отсвет на стене дрогнул.

— Держи! — скомандовала Ци́лла.

Блюдо, служившее зеркалом двум обитательницам тесной, скрипучей каюты, чуть было не опрокинулось, но ловкие пальчики Рин вцепились в его бронзовые бока, удержали и поставили обратно к стене. В нём покачнулось и замерло отражение лица, на котором одни черты — мягкий рот с маленькой тенью над верхней губой и большие плошки голубого цвета — проигрывали в неравном бою другим — острым, чётким линиям челюсти и подбородка, и, конечно, высокому лбу. Рин, давно считавшая себя взрослой, застыла при виде столь очевидного подтверждения её притязаний. Она изучала себя со смесью любопытства и страха, какой чувствует девочка, на которую из зеркала вдруг смотрит женщина. Нет, конечно, до этого пока не дошло, но…

— Мне кажется, или я и впрямь говорила тебе не высовывать язык? — в отполированной пластине показалось другое отражение. Рин привычно скрыла восхищение (да и, че-

го греха таить, укол зависти), разглядывая безупречные черты: прямой нос, высокие скулы, полукружья тонких бровей над зелёными глазами. Богиня-мать, из под молота которой вышли все живые существа, видимо, ковала Циллу с особой любовью и с особым же тщанием. — Говорила или нет?

— Да. Говорила.

— Так будь добра. Ты не собака, — длинные пальцы, покрытые мозолями, управлялись с огненно-рыжими волосами Рин так же ловко, как с ружьём и рапирой, заплетая пряди, жёсткие от солёной воды, в короткую косу и скрепляя их липкой смесью из воска и пудры.

— Зачем тебе, — Рин указала на выпуклое бронзовое брюхо, — это? Ты ведь всё равно в него не глядишь. Да и не видно в нём ни шиша.

— Что, прости?

Оборачиваться, чтобы понять, что Цилла подняла бровь, было не нужно.

— Ничего. Не видно ничего.

Позади раздался усталый вздох. Тёплое дыхание защекотало шею Рин.

— Ты слишком много времени проводишь в компании моих стрелков.

— А ты-то?

— Таков мой офицерский долг, а ты по собственному желанию постоянно подле них. Впрочем, это полбеды. Не будь ты столь податлива…

— И вовсе я не… — попыталась возразить Рин.

— …и столь восприимчива, — невозмутимо продолжала Цилла, — может, и не цепляла бы, как репья, всё, что другие бросают.

Не дав собеседнице времени на дерзкий ответ, она спокойно пояснила:

— Что до отражения, то оно нужно не мне, а тебе — чтобы любоваться работой мастера и хвалить её. Помни, что добрые слова ничего не стоят для тех, кто их произносит, но бывают дороже всего для тех, кто их слышит.

Благодарная ученица кивнула, а затем нервозно пожевала губу.

— А что… ты видела в этот раз? В предыдущие ты ничего не говорила.

С тех пор, как сила Сердца мира пробудилась в Рин, Берил — её предшественник и призрак давно ушедших времён — порой просачивался в настоящее. Чужие воспоминания, чужая суть — она проживала их, как свои собственные.

— Интересное что-то сказала?

— Всего одну фразу. «Там, где сердце», — во сне горечь, которой эти слова были пропитаны, чувствовалась острее, но и сейчас, наяву, они навевали печаль.

— Я… Берил — он повторил её за кем-то. Даже не знаю, за кем. Я не всегда понимаю, что вижу. Наверное, когда найдём Ткачей Памяти… Когда найдём второй якорь…

— Он… оно больше не являлось?

«в сВОЁ… вРемЯ», — хрипло отозвалась память голосом паразита, покалечившего магию мира. Рин поёжилась.

— Нет. Не являлось.

Цилла тяжело вздохнула, но голос её прозвучал неожиданно легко:

— Посмотри-ка, — сказала она, отстраняясь. — Что скажешь?

Рин повернула голову, в одну, затем в другую сторону и твёрдо решила: «Это какой-то неизвестный вид магии». Ей заплели из волос длиной до плеч не одну — две косы по бокам и соединили их на затылке, сцепив серебряным колечком.

— У нас так не делают. Я думаю… думаю, что зря. Зря не делают.

Глава отряда стрелков победно улыбнулась — так, будто бой не успел начаться, а её враги уже подняли белый флаг.

— Славно, — удовлетворённо заявила она.

— Переживут ли эти косы…

— Урок магии материи? О, не волнуйся, — Цилла прищурилась, как сытая лиса. — Воск и пудра их удержат. Однажды этим составом мы заклеили Лу́цию рану. Небольшую, конечно. А у колец хватка как капкан. Сразу видно, что их придумала женщина — благословенна будь госпожа Вензи́ция.

— Кто это?

— Мастерица, каких не видывал прежде свет. Она воис-

тину богиня иглы и веретена. Видела бы ты вещи, которые сотворило её воображение. Я слышала, что даже слуги Ордена заказывали у неё одежды с пластинками брони. Вшитыми в ткань! Такими тонкими и лёгкими, что и не разглядишь.

«Вещь полезная, — рассудила Рин. — Особенно для шпионов или тех, за кем по пятам ходят наёмные убийцы».

— Твои косы выдержат что угодно. Ветер, прыжок за борт — всё. Да что уж там, их, наверное, и магией будет не расплести. К слову, насчёт зеркала ты права. Надо поговорить с господином Рош-Хара.

А есть ли в разговорах толк? Капитану «Солнечного Ветра» принадлежало единственное настоящее зеркало на борту, но едва ли удалось бы получить в пользование такое сокровище. Вещица стоила мешок серебра, а весила как путевой камень, не обладая и каплей его прочности. Одно неловкое движение — и от капитанского сокровища останутся самые дорогие и самые бесполезные осколки, какие только можно вообразить.

Рин молча поднялась и стала шуршать, нет, хрустеть узкими штанинами, стёганкой и приталенной накидкой — вещи настолько пропитались солью, что почти не гнулись. Наверняка их можно было даже не складывать, а просто поставить у стены — и они встали бы как миленькие. Утешало одно: девушка не была одинока. Наряд Циллы издавал те же страшные звуки.

Одевшись, Рин неудачно выпрямилась и задела деревян-

ную перекладину головой. В каюте — как и в бронзовом блюде — едва было довольно места для одного обитателя, да и тот бы наверняка постоянно задевал стены плечами, бился бы пальцами о ножки хлипкого стола и всё время путался бы в гамаках. Что уж говорить о двоих?

Рин ругнулась и выбежала из каюты, не дожидаясь выговора от Циллы. Недовольно заскрипел косяк, на который магичка опёрлась; доски в полу и на лестнице заныли под ногами, разбуженные спешными шагами.

Се́йка ждал у дверей, на палубе «Солнечного Ветра», бодрый и готовый вбивать в голову ученицы мажью науку.

— Вот это скорость, — вместо «здравствуй» и «доброго утра» изрёк маг, — была бы чуть быстрее, обогнала бы мешки из трюма.

Его гладкое лицо, поразительно свежее для человека, которому давным-давно перевалило за тридцать, удивлённо вытянулось. На нём появилось выражение, изредка мелькавшее в те мгновения, когда действительности каким-то чудом удавалось превзойти ожидания Сейки. Мутно-серые глаза сощурились, оглядывая Рин.

— Невероятно. Ну-ка повернись. Святая А́лия постаралась?

— Она.

— Потрясающе. Что ж, проверим работу в деле. Пойдём.

Палуба ходила ходуном от моряцкой беготни. Один из матросов, которого звали просто Хромой, в ответ на ко-

рявый вопрос Рин, заданный по-атéкски, торопливо бросил что-то на родном языке. Получилось разобрать только «верх». «Паруса поднимают», — предположила Рин.

Носились и стрелки Циллы, бурно что-то обсуждая.

— Отличное у капитана вино… — утверждал Солáс, пыхтя и еле сматывая канаты. Широкая улыбка, однако, не сходила с его грубого краснощёкого лица.

— Да ну, — буркнул Томúрис — бугай, что стоял рядом с ним, подбрасывая и сворачивая тросы с ловкостью циркача. — Жмых виноградный.

— Вам, столичным, не угодишь.

— Нет, друг мой, ты неправ, — вмешался Луций. Он вспотел; рубашка приклеилась к его телу, а золотые волосы липли к высокому лбу. От этого зрелища Рин беспокойно впилась зубами во внутреннюю сторону щеки. — Твой вкус, как бы это выразиться…

— Как у енота помойного.

— …весьма непритязателен. Капитанское вино — это преступление. Как у человека, чей платок стоит дороже тиары из золота, на столе может обитать такая дрянь?

— Даже в дезертирстве не видать мне свободы от солдатского общества, — пробормотал Сейка. — Шею не сворачивай, воробушек. Благословенный стрелок на службе у Владыки, да ещё когда он так хорош собой, получше обычной немытой солдатни будет, но едва ли намного.

— И ничего я не сворачиваю, — огрызнулась Рин.

— Я заранее предупреждаю. Во избежание.

— Во избежание чего?

— Всего. Довольно вопросов.

— Так всего один и был-то!

— И тот лишний.

Конечно, можно было потребовать разъяснений или попробовать за них поторговаться, либо же попытаться одолеть Сейку в едком красноречии… Едва ли бы всё это помогло. Господин тойха́нский маг был непреодолимым препятствием, отвесной скалой, карабкаться по которой придётся несколько дней с риском для жизни, а обходить — и того дольше.

— Вот и я говорю: дрянь, — с чувством довершил спор Томирис.

— А ну, — старший отряда по имени Тит вырос над стрелками и рыкнул на них, не меняя выражения каменного лица, — разговорчики.

Он оглянулся: не идёт ли где Цилла, их декания, либо же брат Квилан — тот имел свойство бесшумно подкрадываться и появляться рядом в самый неподходящий момент.

Рин тоже осмотрелась. Брата Ордена на палубе не оказалось, зато у кормы устало перебирал ногами Верс, прогуливаясь на свежем воздухе. С начала путешествия прошло две недели, и почти всё это время крепкому, ловкому прежде лучнику нездоровилось: его мутило — и от еды, и от голода, светлая голова его постоянно кружилась, а поэтому от дел он

был освобождён.

— Ты что это тут делаешь? А как же пытки корабельного врача?

— Вроде бы они мне больше не понадобятся, — нахмурил светлые брови Верс. — Как и сухари под дверью.

— Сколько можно? Сколько ещё ты будешь эти сухари мне припоминать? Их и было-то раз, два и обчёлся! И не только они были, а ещё и рыба, и яблоки сушёные… — всё это она отщипывала от порции, которая полагалась ей. С мясом отрывала, стараясь не обращать внимание на жуткий утробный вой в животе. — Что давали, тем и делилась.

— Я знаю, — прервали её, одарив слабой улыбкой. Рин хмыкнула.

— Воробушек, — Сейка окликнул её; он уже стоял на возвышении, на самой корме. — Мне неведомо, знаешь ты сей великий секрет или нет, но если перебирать ногами быстрее, то получится побежать. Юноша…

Верс заметно напрягся. Как выяснилось, зря:

— Смотреть, — Сейка указал на высокую бочку, видно, показывая пост для возможного дежурства и наблюдения, — можно. Отвлекать — нет. Иначе…

Он не договорил. Никогда не договаривал, свято веруя, что любой должен был понять и так, что следует за «иначе».

— Воробушек, приступим. Гора.

Рин подивилась скорости, с которой тело приняло нужное положение. Сейка гаркнул:

— Плечи! — и всё, больше он ничего не сказал; полагалось, что Рин следовало самой сообразить, что к чему. Справедливости ради, она поняла и повела плечами, слегка размяв их, а после опустила и вытянула шею.

— То-то же. Сколько времени прошло, а у тебя вечно голова в плечах, как у нашкодившей девочки. А хотя… Так, поглядим, — он осмотрел ученицу, и вот тут-то и настал миг подлинного удивления, потому что он не собирался ничего в стойке поправлять.

— Пристойно. Хорошая опора. Теперь щит, разворот, взмах. Дыши!

И она подчинилась.

***

Когда учение подошло к концу, Рин встала на верхней палубе, недалеко от носа, чтобы полюбоваться тем, как режутся о гладкие бока корабля изумрудные волны. Рядом грелся Верс. Ему явно сделалось лучше, если судить по рвению, с которым он повествовал о погребальных одеждах атéкка.

— …а серые они, — торжественно поведал он, — потому что это цвет пепла. И…

Рин слушала. Не очень внимательно, можно даже сказать, вполуха, но не забывая уважительно кивать. Видеть Верса довольным, со здоровым блеском в глазах? Это стоило десятка повестей о быте атеккского народа.

К тому же разве не она донимала капитана и его помощника вопросами, хоть и во много раз — по мнению Рин, само

собой, — более интересными? Желая блеснуть познаниями, она поделилась тем, чему научили *её*. Пересказала легенду о том, как исполинский летающий змей пытался поглотить солнце, но был сожжён божественным огнём — только змеиное крыло осталось на небосводе в виде созвездия. Зачла строки из дивной поэмы, сложенной о силе Сердца мира, между прочим! Щегольнула новыми словами, которые успела выучить.

Верс выслушал её и одобрительно покивал.

— Сердцу мира знание языка атекка обязательно пригодится. Они не были завоёваны старой империей, а потому гис в их царстве не в ходу.

— Совершенно верно, храбрый воин, — бодрый голос капитана Рош-Хара полился сверху, с возвышения, на котором стоял штурвал. — Прелестной sa bekh, если она, конечно, желает быть услышанной и понятой всеми, а не только самыми знатными и просвещёнными, придётся выучить наречие моей прекрасной Страны Солнца.

Рин было спросила в очередной, сотый, должно быть, по счёту раз, что же значит «sa bekh», но передумала. За две недели с тех пор, как «Солнечный Ветер» отдал якоря и покинул гавань Синнага, никто, ни один человек так и не объяснил ей значение загадочного обращения. И капитан, и команда как будто не слышали её вопросов, только называли её без конца «прекрасной» или «изумительной». Особенно Рош-Хара. Впрочем, он льстил всем, причём постоянно и по-

многу, и всегда чересчур, всегда через край. Рин поначалу испытывала неловкость, но вроде бы перестала.

Вроде бы.

— Может, ты мог бы обучить Сердце мира? — серьёзно вопрошал Верс.

— О нет, — замелькал багровый платок — то голова капитана заметалась так, словно держалась не на мускулах, костях и коже, а на верёвочке, как у игрушечного воина, — я, недостойный торговец, не посмею посягнуть на священный труд учителя.

— Тогда, может… — Рин посмотрела на капитанского помощника, усатого жаба Саад-Та. Тот сурово отказал:

— Невозможно, sa bekh. Учителю — учительство, а морякам — море. Таков порядок, установленный Солнцем.

— Imi rakh haswat, — выругалась себе под нос Рин.

— Hiaswat.

Взоры Верса и Рин метнулись в сторону, намертво пристав к обладателю тихого голоса. Слово, произнесённое им, звучало точно так же, как если бы сошло с уст атеккских моряков. Если зажмуриться и верить только ушам, то можно бы подумать, что рядом оказался кто-то из матросов. Но нет, рядом стоял Брат Ордена и выжидающе смотрел на Рин.

Он заглянул ей в глаза и произнёс:

— Когда говоришь «hias», проговаривать надо не «а», а «я». Imi rakh hiaswat.

Рин бездумно повторила и с каждым словом всё больше

желала вылить на себя ведро ледяной воды. Да только и её бы не хватило, чтобы остудить горящие щёки. «Может, за борт? — подумалось вдруг. — Будто бы невысоко…»

— Так ты умеешь…

— Изъясняться на языке солнцепоклонников? Да, в том числе… А, — воодушевился Квилан и отвёл взгляд, будто бы что-то вспоминая, хотя на деле наверняка вовсе ничего не забывал, — так вот куда полагалось пойти недостойному псу, если бы он решил тебе докучать.

Была бы Рин привычна к долгим думам, она бы наверняка пыталась понять, отчего брат Ордена не раскрыл своего умения прежде и почему. Если б она родилась одной из тех, кто печально вздыхает и стыдится всяких глупостей, то она точно затаила бы на Квилана мелочную обиду.

Но характер у Рин был воинский, а ум — стойкий и гибкий, как шагрень, и склонный к увлечённости — порой на грани одержимости. Потому она решительно отбросила стеснение и потребовала:

— Научи меня. Языку атекка — научи.

***

Рин пожалела о своём опрометчивом порыве учить язык почитателей Солнца прямо на следующий день.

Она и её учитель сидели за столом, утопающим в бумагах. Сперва она, кряхтя, плюясь и кашляя, проговаривала слоги и слова. Звуки были сложной, причудливой смесью из грубого и мягкого, хрипящего и мяукающего, но это ещё ниче-

го — с ними Рин справлялась успешно. Гораздо хуже оказались значки, обозначавшие буквы, поскольку они отличались друг от друга так же, как родные братья и сёстры. «Но это можно пережить», — размышляла Рин, старательно записывая слова.

Беда пришла через два дня. Оттуда, откуда её совсем не ждали.

— Нет, — покачал головой Квилан, когда Рин была готова к чтению и уже поднесла к началу короткой строки палец — для удобства. — Не так. Справа налево.

«Терпение, — внутренний голос почему-то стал ниже и глубже — точь-в-точь как у Магистра Лейны Сатор, — одна из величайших добродетелей». Собравшись с силами, Рин вслух прочла приветствие, которое полагалось произносить, обращаясь к царю, воплощению Солнца. Квилан с ровным лицом выслушал, после чего спокойно поправил все слова — от первого до последнего. Ученица повторила так, как ей казалось, следовало. Снова внимательный и понимающий взор, а за ним — исправление. На третий раз проклятое царское приветствие поддалось, а требовательный учитель кивнул и похвалил Рин — твёрдо, будто поставив печать сургучом:

— Если будешь приветствовать сына Солнца так, как сейчас, то атеккская знать не посмеет глумиться над тобой за твоей спиной. Повтори ещё.

Рин просияла; она прочитала строку снова, и не подумав

удивиться своей необычайной покорности.

— Хорошо.

Квилан прибавил что-то ещё на языке солнцепоклонников, но тех слов Рин пока не понимала — да она их не слушала. «Каким, — думала она, — образом он умудряется говорить лучше, чем те, для кого атеккский — родная речь?»

— Да как? — спросила она, до глубины души возмущённая этой подлинной несправедливостью. — Как эти чудовищные звуки так легко тебе даются?

— Вот как ты считаешь, Сердце мира, — лицо у Квилана вытянулось; полосы шрама на половине лица и шее немедленно пришли в движение. — Заверяю тебя, мне не было легко. Цена видимой лёгкости — годы труда и постоянства в усилиях, sa bekh.

— Мать и Отец, — застонала Рин и запрокинула голову, — и ты туда же. Да что это означает?

— Разве ты не знаешь? — брат Ордена невинно вскинул брови, как если бы не ведал о любопытстве, снедавшем девушку с тех пор, как на пристани в Синнаге капитан впервые назвал её «sa bekh». — Огонёк пустыни. Пустынная ящерка.

Рин, которую две недели кряду, по всей видимости, называли ящерицей, разочарованно поджала губы, но Квилан продолжал:

— Она живёт в песках, но что любопытней — водится у берега моря, там, где кипяток бьёт из-под земли. Близ обжигающей воды, в горячем тумане огонёк чувствует себя весь-

ма привольно, — такие подробности о природе sa bekh, на взгляд Рин, немного оправдывали атеккских мореплавателей. — Помнишь, что говорил капитан? По венам у sa bekh бежит жидкий огонь, а её шкура — из застывшей лавы. Не случалось проверить, что у ящерки в сосудах, но…

— Но?

Квилан вдруг улыбнулся уголком губ, сняв на миг маску возвышенности.

— Снаружи она в самом деле тёплая, а её чешуя взаправду похожа на пламя и сверкает на солнце, как гранат. Красивый цвет.

— Весьма, — осипло проговорила Рин.

— Весьма, — глядя в сторону, согласился Квилан.

Хотелось задать множество вопросов: о шраме на половину тела, о Мира́зе, вскользь упомянутой Тенью в пылу сражения за Синнаг, о том, сколько лет Квилан провёл в землях атекка и для чего…

Сейчас или никогда.

— Скажи, — вопрос выпал изо рта, как пьяница из трактира, и Рин, конечно же, спросила не о том, о чём хотела, — как тебе достался «Солнечный ветер»? Почему гордые атеккские моряки тебе служат?

«Однако не нужно печалиться, — она мысленно утешила себя, — вполне интересный вопросец». К тому же краткое мгновение замешательства на обыкновенно холодно-безмятежном челе было бесценным.

— Ты и впрямь хочешь узнать? — спросил Квилан, глядя исподлобья. Рин ответила кивком. — Тогда расскажу, как представится случай, а пока…

Длинный указательный палец постучал по столу.

— Запиши царское приветствие.

***

В положенный день Рин влетела на нос корабля и уставилась вдаль. В лиловой дымке вот-вот должен был проступить край крупнейшего острова Рифа.

— Ракеáт, — с придыханием произнёс Верс, прилипнув к фальшборту. — Этот остров легендарен. Он колыбель Древней Гис.

— Ну, положим, не весь остров, а город. Он и называется так же.

— Нет, — нудно возразил Верс, — город — это «Ракеат-ур».

Рин фыркнула, снова уставившись на горизонт.

Те из ройáн, кому довелось побывать на острове, рассказывали об исполинских морских воротах, о библиотеке Ордена, величественных театрах, ипподромах и аренах. Иных впечатляли статуи, украшенные драгоценными камнями, а кого-то поражали жужжащие рынки, на которых всё продавалось и всё покупалось, ибо торговали там даже людьми. Было на островах и то, чем в один голос восхищались все выходцы из империи Таройан…

— Ткани? — изумлённо переспросил Верс. — Но поче-

му?

— Потому, — с жаром пояснила Рин, удивлённая уж тем, что такие простые вещи нужно было объяснять, — что нет ничего важнее умения ткать, плести и шить!

— А это ещё почему?

— Сам подумай, ты же вроде мудрец у нас! — Рин щёлкнула его лбу. — Думаешь, ткач или ткачиха плетут всего-навсего какой-то плащ? Как бы не так. В их руках — связи между Матерью и Отцом. А помнишь законы материалики? Если нити ослабнут, то мирозданию не поздоровится.

Верс потёр лоб. Юноша не выглядел обиженным, скорее, задумчивым.

— В этом есть зерно истины, — серьёзно сказал он. — К тому же мать всех мо-ат Ми́рре тоже сшила рану Ди́ртта нитью из звериных жил.

— Шить — дело хорошее! — Солас гаркнул на ухо Рин и Версу, шлёпнув обоих по спине, отчего оба согнулись вдвое. — Вот маманя моя шьёт — да каждая девка бы так шить умела. А вы чего носы повесили? Выньте рожи из плеч. Вроде земля близко. Риф близко! И до него рукой подать!

— Да уж хоть бы, — вяло порадовался Луций, подобравшись ближе. Тит, встав рядом, молча кивнул.

— Ага, — нахмурился Томирис, — Сперва на этих Прощелыговых островах искать не пойми кого, потом опять в песок — к очередным язычникам. Вы уж простите, что я от радости не прыгаю. Умаялся что-то.

— Полно, любезный, — мягко сказала Цилла подбоченясь; стрелки́ же, напротив, выпрямились, — есть множество вещей гораздо хуже. Бегство с поля боя, бесчестье…

— Трущобы Да́кии, — пожал плечами Солас.

Знакомая жилистая рука коснулась плеча Рин. С ней поравнялся Сейка, а после изрёк:

— Хуже даки́йских трущоб, как известно, только вино из дакийских погребов. Воробушек, никогда, что бы ни случилось, как бы тебя ни мучила жажда, даже если твоя жизнь висит на волоске — никогда не пей эти помои.

С возвышения, на котором располагался штурвал, раздался голос Квилана:

— Согласен. Вино севера — мерзейшие отходы виноделия.

«Ну и где, — впилась глазами в линию горизонта Рин, — где, чтоб её, эта проклятущая земля? Где этот Риф, чтоб ему провалиться?» Обоих не было видно. Всё так же плыли над морем облака. Мерцала и медленно таяла дымка.

Сначала ударил корабельный колокол — в такт с биением сердца. Затем раздался крик матроса. «Земля! — возвещали оба. — Земля!» Рин затаила дыхание.

В лучах рассветного солнца золотился неизведанный берег — очертания острова Ракеат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.